

III. NUOMONĖ

Казимир Люциньски, Евгений Зубков

Свентокишская академия

ул. Лецна 16, Кельце, Польша

Тел.: (041) 344 48 56

E-mail: Instytut.Filologii.Slowianskiej@pu.kielce.pl

НЕЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Целью данной работы является представление нового метода, который дает возможность анализа не только заимствований, но и самого процесса заимствования, зависящего от внутренней системы языка. Предметом анализа явились заимствования из английского в современных немецком и русском разговорных языках. Каждый разговорный язык является нестабильным кратковременным явлением, зависящим от оценки говорящим употребляемых им слов (в данной работе – заимствований). Авторами также приняты во внимание изменения значений при переходе слова на иной стилистический уровень.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *заимствование, стилистический уровень, корреляция.*

Процесс ассимиляции иноязычных слов в заимствующем языке

Как известно, язык является комплексным явлением. Каждый язык имеет не только региональные различия, но и не является однородным социально или функционально, т. е. использование языка разнится как с точки зрения употребления языка различными социальными группами, так и с точки зрения его использования для реализации различных целей. Внутри языка, как говорил еще А. Meillet¹, определяемого общностью произношения и особенно общностью грамматических форм, существует в действительности столько особых словарных систем, сколько в обществе, говорящем на данном языке, существует автономных социальных групп. Кроме этого, также учитывается региональное членение, ведь немецкий язык звучит несколько иначе в Мекленбурге, чем, скажем, в Саксонии или Баварии, а русский язык в Вологде звучит несколько иначе, чем в Москве.

По степени близости к языковому стандарту можно различать три типа подсистем разговорного языка²:

1. *Литературный язык образованных носителей* (Hochdeutsche Umgangssprache der Gebildeten). Эта подсистема иногда может показывать территориальные образования, однако в большой степени идентифицируется с устной формой литературного языка.
2. *Областные обиходно-разговорные языки* (Grosslandschaftliche Umgangssprachen). На них говорят на сравнительно большой территории и в них редко появляются диалектные образования.
3. *Местные обиходно-разговорные языки* (Kleinlandschaftliche Umgangssprachen). Они имеют хождение на сравнительно небольшой территории и им в сильной степени свойственны некоторые диалектные черты. Для них

¹ MEILLET, A. *Linguistique historique et linguistique generale*. Paris, 1926. Цит. по: *Allgemeine Sprachwissenschaft*. Berlin, 1975, Bd. 1, S. 395.

² ДОМАШНЕВ, А. И. *Современный немецкий язык в его национальных вариантах*. Ленинград, 1983, с. 33–37.

вполне может подходить определение *полудиалект* (или *близкий к диалекту разговорный язык*)³.

Это членение в известной степени коррелирует с членением слов и словосочетаний по социально-языковым характеристикам⁴:

1. Слова и словосочетания, известные на всем языковом пространстве, понимаемые всеми членами языкового сообщества и употребляемые в повседневном общении.
2. Слова и словосочетания, ограниченные использованием в определенных областях знания либо употреблением социальными группами носителей языка.
3. Слова и словосочетания, ограниченные в употреблении регионально.

Кроме социального и регионального членения, следует также принять во внимание ассимиляцию заимствований в заимствующем языке. По мнению Л. П. Крыгина, для того, чтобы иноязычное слово можно было считать заимствованным определенной лексической системой, необходимо, чтобы оно имело следующие признаки:

- 1) графико-фонетический трансфер с помощью средств целевого языка;
- 2) корреляцию иностранного слова с определенными грамматическими классами и категориями целевого языка;
- 3) семантическую самостоятельность слова, отсутствие дублетных синонимических отношений со словами, уже находящимися в языке;
- 4) использование слова не менее чем в двух разных жанрах речи или регулярное применение слова-термина в терминологической области⁵.

Однако рассматриваемые нами в практи-

ческой части работы лексические единицы не показывают, например, использования в двух жанрах речи или применения в терминологической области, они остаются нормой разговорной речи и не встречаются в литературном языке. Само собой разумеется, что при употреблении этих слов происходит фонетический трансфер с помощью средств целевого языка. Мы можем говорить о их полной семантической самостоятельности, однако эта семантическая самостоятельность является следствием заимствования для выражения экспрессивной функции или для снижения непристойности звучания уже существующих лексических единиц целевого языка, которые в сущности имеют то же самое значение, что и иноязычные. Словообразовательная активность этих иноязычных слов напрямую связана с корреляцией с определенными грамматическими классами и категориями целевого языка, однако говорить только о «грамматической корреляции» по отношению к словообразовательной активности этих лексических единиц будет попросту неуместно, так как уже сам факт переноса их в целевой язык подразумевает соотнесение говорящим этих лексических единиц с уже существующими в языке. Поэтому мы предлагаем употребление по отношению к этим лексическим единицам термина «корреляты», т. к. они были образованы на основе принципа «корреляции»⁶, причем при их образовании имели место не только грамматическая, но также семантическая и фонетическая «корреляции». Под *коррелятом* мы понимаем лексическую единицу, расширившую свое семантическое поле или изменившую свое значение под влиянием заимствования из иностранного

³ STEPANOVA, M. D.; TSCHERNYSCHJEVA, I. I. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Москва: Высшая школа, 1986, с. 151.

⁴ STEPANOVA; TSCHERNYSCHJEVA, сноска 3.

⁵ КРЫГИН, Л. П. *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва: Русский язык, 1968, с. 42–43.

⁶ Подробнее о корреляциях см.: КОБОЗЕВА, И. М. *Лингвистическая семантика*. Москва: Эдиториал УРСС, 2000, с. 95–108.

языка, иностранного слова или диалекта родного языка, иногда при переходе из одной подсистемы языка в другую. Термин *коррелят* мы также предлагаем применять к композициям иноязычных корневых морфем с морфемами заимствующего языка согласно способу их образования в процессе адаптации этих иноязычных морфем в заимствующем языке, т. е. к так называемым *контаминациям*.

Название подобных лексических единиц «заимствованиями» не всегда является адекватным. При исследовании процесса адаптации иноязычных слов В. М. Аристова предлагает следующую диахроническую классификацию англицизмов:

1). *Проникновение* (начальный этап существования слова) – соответствует следующими критериям:

- непосредственная связь с языком-источником, проявляющаяся во внешней оформленности слова, как, например, появление в текстах иноязычных вкраплений, возникновение формальных дублетов, колебания на грамматическом и словообразовательном уровнях;
- семантическая однозначность как следствие того, что в большинстве случаев лексическая единица на этапе проникновения обозначает чужую реалию или передает чужое понятие;
- употребление в определенных контекстах;
- отсутствие производных образований.

2). *Заимствование* характеризуется:

- внутренней связью слова с языком-источником;
- стабилизацией формы слова на грамматическом и словообразовательном уровнях;
- началом регулярной употребляемости слова;

– началом словообразовательной активности.

3). *Укоренение* – выделяется следующими характеристиками:

- отрыв слов от языка-источника;
- полная семантическая самостоятельность слова и образование лексико-семантической микросистемы данного слова (фразеологизмы, переносные употребления и т. п.);
- взаимодействие с элементами заимствующего языка, ведущее к дифференциации значений в исконных словах;
- широкая употребляемость слова;
- широкая словообразовательная активность, зачастую ведущая к образованию новых лексем⁷.

В процессе анализа русской и немецкой разговорной речи нами были выявлены лексические единицы, которые на этапе проникновения имеют признаки, свойственные как этапу заимствования, так и этапу укоренения. Это вызвано тем, что они образуются говорящим в момент текстопорождения на основе соотнесения с уже существующими в языке словами. Как станет видно в практической части работы, подобные «гибриды» при вышеупомянутой семантической однозначности и употреблении в определенных контекстах показывают, наряду с внутренней связью с языком-источником (языком-донором) широкую словообразовательную активность, иногда даже взаимодействие с элементами заимствующего языка, ведущее к дифференциации значений в исконных словах. Принимая во внимание классификацию В. М. Аристовой, при рассмотрении «коррелятов» мы функционально имели бы дело с «гибридами», имеющими признаки, свойственные двум или сразу трем этапам.

Термин «гибрид» употреблен нами не случайно. Следует вспомнить работу

⁷ АРИСТОВА, В. М. Трансформация английских слов в русском языке. In *Этимологические исследования по русскому языку*. Москва, 1978, с. 8–14.

«Лексические заимствования из немецкого языка в польском языке 19 века» Богуслава Нововейского⁸, который в своих исследованиях опирается также на работы Д. Буттлер, Я. Обары, Я. Сятковского, А. Винценца, Б. Валчака и других исследователей. «...Считается, что гибридами могут быть как одиночные выражения, если их корни и аффиксы происходят из разных языков, так и сложные выражения, состоящие из двух или более корней, происходящих из разных языков...»⁹. Богуслав Нововейский разделяет «гибридные формации» на заимствованные из немецкого и русского языков и полукальки, возникшие непосредственно в польском языке. Дальнейший анализ носит чисто структурный анализ готовых форм, а причинами возникновения подобных гибридов в польском языке исследователь считает «близкий контакт с немецким языком, в котором сложные выражения из двух или более частей были очень частыми», и «калькирование как основной страх перед «застрой» лексического заимствования из иностранных языков»¹⁰. Его концепция «гибридных формаций» близка к концепции «коррелятов», однако примененный им подход резко отличается от анализа языка как взаимодействия подсистем и несет в себе лишь структурный анализ готовой лексической единицы на одном из уровней языка, что объясняется характером избранного для анализа объекта – материалов периодики, – который просто не мог дать таких же результатов, как анализ лексической единицы на всех уровнях языка.

Понятие «коррелятов» близко к «периферийным для языка явлениям, которые в

русской традиции называются контаминацией» (blending), иногда контракциями двух основ¹¹. Однако авторы предлагают новый метод анализа, который будет учитывать не только структурную характеристику рассматриваемых заимствований или причины появления того или иного значения рассматриваемых лексем, но, в дополнение к этому, еще и сам процесс адаптации иноязычного слова в заимствующем языке. Этот метод анализа был назван нами «коррелятивным»; инспирацией для подобного названия послужила работа В. Шапошникова¹², где термин «корреляция» был употреблен при доказательстве того, что лексема *крутой* не является заимствованием из английского, она лишь расширила свое семантическое поле под влиянием английского *tough*. Подобное внутриязыковое расширение под влиянием потенциального заимствования, т. е. семантическая корреляция, и рассматривается в данном исследовании, а анализируемые нами лексемы были названы согласно их признакам «коррелятами», «внутриязыковыми коррелятами» и «коррелятивными дериватами».

Принцип коррелятивного анализа

При анализе социолектов в немецком и русском языках мы столкнулись с тем, что многие лексические единицы свойственны не только одному из социолектов, – они переходят из одной языковой подсистемы в другую часто с небольшим изменением значения. Мы не имеем в виду профессионализмы или экспрессивные дублеты профессионализмов, употребляемые в определенной области знания в значении, не

⁸ NOWOWIEJSKI, B. *Zapozyczenia leksykalne z języka niemieckiego w polszczyźnie 19 wieku*. Białystok, 1996, s. 231–236.

⁹ SIATKOWSKI, J. *Hybrydy słowiańsko-niemieckie w języku i dialektach niemieckich*. Цит. по: NOWOWIEJSKI, сноска, 8, s. 231.

¹⁰ NOWOWIEJSKI, сноска 8.

¹¹ См.: РАХИЛИНА, Е. В. *Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость*. Москва: Русские словари, 2000, с. 375–377.

¹² ШАПОШНИКОВ В. *Русская речь 1990-х.: Современная Россия в языковом отображении*. Москва, 1998, с. 210–232.

свойственном языковому стандарту, и те-ряющие специализацию значения, свой-ственного профессиональной коммуника-ции, при переходе в иную подсистему или переходе в языковой стандарт (сравним русское *пристрелка* и немецкое *Geschoss*)¹³. Речь идет о специфических словарных обра-зованиях, употребляемых определенными социальным группам. Наша работа не имеет целью полемику относительно их наимено-вания – арготизмы, жаргонизмы, социолек-тивизмы, слова со сниженной стилисти-ческой окраской, профессиональные социо-лективизмы и т. п. Однако никто не станет оспаривать того, что существует несколько основных подсистем (или субсистем) язы-ка, – это положение взято нами за основу исследования процессов заимствования и результатов этого процесса.

Мы начнем с немецкого разговорного языка, так как принцип корреляции в не-мецком языке проявляется более наглядно. Рассмотрим несколько примеров:

emmes – ‘правдивый, правильный, хоро-ший’ – от jidd. *emmes*, в арго с начала 16-го века (PONS);

der Emmes – 1) ‘правда, взаимопонима-ние’ – в арго с середины 16-го века;

2) ‘друг, любовник’ – от jidd. *emez* ‘кто-то’ общеупотребительное начала пятидесятих годов прошлого века;

3) ‘пенис’ – в молодежном социолекте с начала 60-х годов прошлого века;

4) *fauler Emmes* – ‘ложь, недопонимание’ – воровское арго середины прошлого века (PONS).

Или, например, *der Gammel*: 1) *witscher Gam(m)el* – молодой, неопытный солдат’, в арго – ‘дурак, осел’ (начало 20-го века);

2) ‘ерунда, чепуха’ – жаргон моряков 19-го века;

3) ‘плохая еда’ – общеупотребительное во время Первой мировой войны;

4) ‘старая кляча’ – общеупотребительное начала прошлого века;

5) ‘неухоженная, ленивая девушка’ – обще-употребительное в 19-м веке;

6) ‘толстая, дебелая женщина’ – общеупо-требительное;

7) ‘техпроверка’ (солдатский жаргон);

8) ‘безработица’ – общеупотребительное;

9) ‘беспорядок’ (PONS).

die Gammel 1) ‘сигарета’ (от *Camel*);

2) ‘проститутка’ (от mhd. (ср.-верх.-нем.) *gam(p)eln* – ‘покрывать’);

3) ‘легкомысленная девушка’ – обще-употребительное;

4) ‘высокая, худая девушка; беспокойная девушка’ (19-й век) (PONS).

das Gammelgirl – ‘молоденькая (легко-мысленная) девушка, умышленно одетая небрежно и провоцирующе’ – молодежный социолект (PONS).

gammelig 1) ‘старый, испорченный’ (северонемецкое начала 18-го века);

2) ‘боящийся работы, ленивый’ (19-й век);

3) ‘мрачный, подверженный приступам дурного настроения’ (19-й век);

4) ‘грязный, запущенный’ (шестидесятые годы прошлого века);

5) ‘легкомысленный’ – молодежный социо-лект (появление – ок. 1955 г.);

6) ‘веселый’ (от mhd. *gamel* – ‘веселый’, 13-й век);

7) ‘люболюбивый’ (от mhd. *gamel* – ‘поло-вой акт’ – начало 16-го века) (PONS).

Интересным является также еще один пример – *der Schock* – ‘ярмарка’, от jidd. *schuck* в том же значении (в арго с начала 18-го века) (PONS).

schock – ‘выдающийся’ (молодежный социолект начала семидесятых годов 20-го века) (PONS).

schocken – 1) ‘шокировать’ (от англ. *to shock* с начала пятидесятих годов в моло-дежном социолекте);

2) *es schockt* – от jidd. *schuck* ‘это стоит’;

3) *es schockt, es schockt sich* – ‘это впечат-ляет’ (PONS).

¹³ Küpper, Heinz. *PONS. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1 Aufl. \ 6 Nachdr. Ernst Klett Verlag, 1997. Здесь и далее употребляется сокращенная ссылка на данное издание – PONS.

Подобных примеров можно привести множество, но что из этого следует? Во-первых, вышеуказанные примеры показывают, что молодежный социолект не существует сам по себе, а взаимодействует не только с общеупотребительной лексикой, но и с другими социолектами. Общеупотребительная лексика и разговорный язык постоянно пополняются за счет социолектов, а социолекты – за счет разговорного языка. Во-вторых, в вышеуказанных примерах мы можем наблюдать различные семантические трансформации, от расширения семантического поля при появлении нового оттенка значения слова, например, в *Gammel* ‘ерунда, чепуха, плохая еда’, до появления совершенно нового значения, как в *es schockt* ‘это стоит’ и ‘это впечатляет’.

Нас в данной работе интересуют именно причины подобных изменений значений. Например, в *schocken* – ‘шокировать’, ‘стоять’, ‘впечатлять’, мы имеем два совершенно разных значения: арготизм в значении ‘стоимость’ и заимствование из английского в значении ‘шокировать’, ставшее единицей молодежного социолекта. Здесь можно сказать, что уже существовавшая лексема расширила свое значение под влиянием английского *to shock*, ведь высокая цена может шокировать. Но как быть с *schock* ‘выдающийся’, которое является более поздним образованием, чем *schocken* в значении ‘шокировать’? Чем объяснить подобное изменение значения? Логично было бы предположить, что подобное изменение значения вызвано влиянием обоих значений слова *schocken*. К какому же типу заимствований – внутреннее/внешнее – следует отнести это слово? Очевидно, при рассмотрении лексемы *schock* ‘выдающийся’ мы имеем дело с семантической реляцией¹⁴ говорящим уже существующих значений морфемы *schock*:- в *schocken* – ‘шокировать’ и в *der Schock* – ‘ярмарка’, причем в данном случае наблюдается не только заимство-

вание, но и переход на иной стилистический уровень. Поэтому авторы считают уместным применение термина *корреляция*¹⁵, для представления сущности которой предлагается следующее графическое изображение (см. рис. 1).

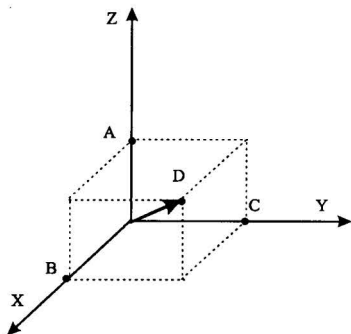


Рис. 1. Графическое отображение корреляции

Оси: X – английский язык, Y – немецкая разговорная речь, Z – немецкий воровской жаргон; на графике вектор D характеризует значение производной *schock* ‘выдающийся’, проекции вектора D: “A” – немецкое *Schock*, “B” – английское *to shock* и “C” – существующие значения *schocken*.

Но данный графический способ не подходит для слов, являющихся единицами сразу нескольких стилистических уровней, – например, для вышеуказанного *Gammel*. Лишь *die Gammel* в значении ‘сигарета’ можно назвать *коррелятом*, так как существующее слово *die Gammel*, обладающее значениями ‘проститутка’ и ‘высокая, худая девушка; беспокойная девушка’ и ‘легкомысленная девушка’, обрело новое значение благодаря соотнесению носителями немецкого языка этого слова со сходным по звучанию названием американской марки сигарет, что не вызвало изменения морфологических признаков лексемы *die Gammel*. Если же

¹⁴ КОБОЗЕВА, сноска 6, с. 96.

¹⁵ КОБОЗЕВА, сноска 6, с. 97.

рассматривать значение 'легкомысленная девушка' лексемы *die Gammel*, то в этом случае предпочтительнее говорить не о «корреляции», а о *внутриязыковой корреляции*, так как здесь не обнаруживается влияния потенциального заимствования – можно лишь отметить влияние *gam(p)eln* 'покрывать' и *gamel* 'веселый'. Под понятие коррелята и внутриязыкового коррелята нельзя, однако, подвести вышеупомянутое *das Gammelgirl*. Здесь налицо, во-первых, словообразовательная активность заимствования из английского *Girl* в немецком языке, во-вторых – сохранение производного значения *die Gammel* – 'легкомысленная девушка' при возможном влиянии значений слова *gammelig* 'легкомысленный' и 'грязный, запущенный'. Подобное образование можно было бы назвать *коррелятивный дериват*. Или, например, *der Gammler-Look* – 'одежда согласно вкусу неудачника' (PONS). И в данном примере также налицо взаимодействие производного *der Gammler* 'неудачник' от вышеупомянутого немецкого слова *Gammel*, и заимствования из английского *der Look*, которое пришло в немецкий язык после Второй мировой войны в значении 'стиль моды'.

Для подобного коррелятивного деривата, в котором пересекается большое количество значений из единиц разных стилистических уровней языка, не подходит приведенное выше графическое отображение корреляции, и мы предлагаем графическое изображение, представленное на рис. 2. Это графическое отображение является более универсальным, чем трехмерный график, и оно подойдет для анализа любой лексической единицы. Может, однако, возникнуть вопрос, что обозначает точка отсчета "0" на нашем графике, и этот вопрос может оказаться наиболее дискуссионным. Принимая во внимание способ анализа и то, что говорящий располагает несколькими стилистическими регистрами и выбирает из них соответствующий данной коммуникативной ситуации, мы полагаем, что за точку "0" следует принять некую единицу языка мысли.

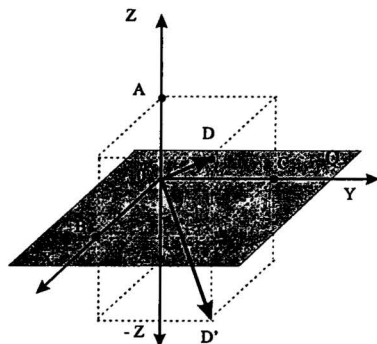


Рис. 2.

Преломление вектора "D" характеризует изменение значения относительно семантического поля "Q", где проекции вектора "A", "B" и "C" на осях сохраняют свои постоянные значения, а проекция "-A" характеризует изменение (возникновение нового) значения.

Отображение лексической единицы *Gammler-Look*, где A – лексема *gammel* на оси Z – в немецкой разговорной речи, B – лексема *gammel* на оси X – в солдатском жаргоне и арго (*witscher Gammel*), C – лексема *gammel* на оси Y – в диахронии языкового стандарта, вектор D – английский язык *look*, вектор D' – заимствование в немецком *der Look*, -A – лексема *Gammler-Look* на оси -Z – в молодежном социолекте.

Вернемся теперь к упоминавшемуся выше *schock* 'выдающийся' в молодежном социолекте. Согласно вышеуказанным классификациям Крысина и Аристовой, лишь *der Schock* отвечает их критериям, так как налицо типичное заимствование из идиш с последующей ассимиляцией в заимствующем языке, но приведенные критерии не позволяют дать однозначную классификацию полисемичного глагола *schocken*. Повторным заимствованием это слово тоже быть не может, так как значения этого слова заимствованы из разных языков.

Для того чтобы избежать обвинения в неприемлемости классификации, принятой в русском языкознании, для анализа лексических единиц немецкого языка, мы подвергли подобному анализу русские лексемы, характерные для разговорного языка. Например:

гороховый герцог (о Горбачеве) – ‘мирный герцог’, от английской идиомы *peace duke* (‘мирный герцог’). Возникло в русском языке благодаря сходности звучания английского *peas* ‘горох’ под влиянием русского *шут гороховый* (УМК)¹⁶;

аск – ‘конечно, да, разумеется’, от заимствования из английского *аскать* – ‘просить, брать взаймы, спрашивать’ и типично русского *Спрашиваешь!* (СА)¹⁷;

ботлыга – ‘тот, кто занимается бизнесом на купле и продаже бутылок’, от русского *барыга* и заимствования из английского *ботл* (*ботла, батл, батла*) при семантическом влиянии английского *bootlegger* ‘лицо, занимающееся запрещенным ввозом, продажей и транспортировкой спиртных напитков’ (СА). Значения русского и английского имени совмещаются в значении производного слова – это семантическое явление имеет социокультурный коррелят – аналогию горбачевских реформ по отрезвлению общества и «сухого закона» в США.

В данных примерах мы имеем дело не с обычной контаминацией, как в *олдуха* ‘давнишня приятельница; бывалая, опытная хиппи’, от заимствования из английского *олд* + *старуха* (СА), а с ассоциативным соотношением значений и форм разных лексем в момент высказывания, часто без изменения формы «искажаемой» лексемы как, например, в *бейсбол* ‘драка’, от русского *бей* и английского *baseball* (СА), при понятийном соотношении с используемой в этом виде спорта *битой* и русским глаголом *бить*. Подобное «взаимодействие» значений без

изменения формы «искажаемой» лексемы было названо нами *корреляцией* и легло в основу предлагаемого нами метода коррелятивного анализа.

Типы корреляций и система заимствующего языка

Как уже упоминалось выше, нами были выделены три основных типа корреляций – *корреляты*, *внутриязыковые корреляты* и *коррелятивные дериваты*. Примером корреляции, т. е. расширения семантического поля лексемы под влиянием потенциального заимствования, в немецком языке могут служить:

facken – 1) ‘быстро работать’ (синонимично *fegen*);
2) ‘быстро двигаться в постели’ (в двадцатые годы прошлого века стало синонимично *ficke(!)n* под влиянием английского *to fuck* (PONS); а также производное *fack-fack* – ‘быстро’ (PONS).

der Schmock и *der Schmöcker*:

der Schmock – 1) ‘бездумный писака’ (из драмы Густава Фрейтага «Журналисты», 1854 г. В Праге в девятнадцатом веке так называли «повернутого фантазера»);
2) ‘плохой повар’ (жаргон солдат, возможно, от англ. *to smoke*) (PONS).

schmocken (*schmöcken*) – ‘курить, курить с наслаждением’ (нижненем.) от существующего с четырнадцатого века *hd.* (верх.-нем.) *schmauchen* (PONS).

der Schmöcker – 1) старая книга (с 18-го века);

2) справочник (с начала прошлого века – из-за толщины);

schmöckern – 1) ‘читать’ (19-й век);

2) ‘курить’ – с 19-го века;

3) ‘слушать в музыкальном магазине пластинки’ (PONS).

В данном примере только в *der Schmock* – ‘плохой повар’ мы наблюдаем корреляцию.

¹⁶ МАК-КИЕНГО, Уоллер. *Словарь русской брани АА-ЯЯ*. Калининград, 1997. Здесь и далее сокращенно – УМК.

¹⁷ ЕЛИСТРАТОВ В. С. *Словарь русского аргю*. Москва: Русские словари, 2000. Здесь и далее сокращенно – СА.

Расширение же семантического поля *schmökern*, т. е. возникновение нового значения 'курить' под влиянием нижненемецкого *schmocken*, мы можем охарактеризовать лишь как *внутриязыковую корреляцию*.

Примерами коррелятивных дериватов могут служить:

abgefuckt – 1) 'несимпатичный';

2) 'старый, без сил' (PONS).

der Jeanser – 'тот, кто носит голубые джинсы' (PONS).

ausfreaken – 'быть в оппозиции к существующему правительству' (PONS).

der Granddoofi – 'очень глупый человек' от *grand* (франц./англ.) 'очень' + *doof* 'глупый' (нижнем. *dowf*) (PONS).

der Hottentottenboy – 'модно и кричаще одетый подросток' (иногда не сообразно возрасту). Кроме составляющей *boy*, здесь имеется немецкое *der Hottentotte* 'очень глупый человек' и *hotten* – заимствование из англ. в значении 'танцевать' ('зажигать' – как отображение диких движений в современном танце) (PONS).

Внутриязыковые корреляции являются результатом взаимодействия значений слов, уже существующих в разных подсистемах языка и образующих значение нового слова. Это практически то же, что и *внутреннее заимствование*, но при внутреннем заимствовании не всегда выступает *притяжение значений* – *семантическая корреляция* для образования нового слова или значения. Например:

gramsen – 'красть', трансформировалось в начале 19-го века из *grapschen* – ниже- и средненемецкого 'воровать' (имело такое значение в 17–18 веках, с начала 20-го века употребляется в значении 'прикасаться к интимным частям тела') при возможном влиянии английских *to grasp* и *to grasp* (PONS);

jabbern – 'разговаривать, говорить' (с начала 20-го века). Опирается на *jappen* 'так сильно закрывать рот, что получается звук «хэпп» или «жэпп»' (особенность берлинского говора). Можно также предположить влияние английского *to jabber* 'болтать, трещать, невнятно говорить' (PONS) и т. п.

Те же типы коррелятов можно выделить и в русском языке. Однако при анализе русского материала мы столкнулись с одной интересной особенностью, которая будет описана ниже. Рассмотрим примеры коррелятов:

даблопосещение – 'посещение туалета', от английского *double o* (УМК);

халять – 'медленно идти', ассоциативная связь с *old boot* и *халявить* (УМК), слияние значений этого слова 'удовлетворять потребности за чужой счет' и аргоического 'стоять на стреме, подкладывать потерпевшему в карман украденный у него кошелек'. (Возможна также связь с *хилить* и *хреть*.) (СА)

гамка – 'пища, еда', от заимствования из английского *гамма* (*gum*) 'жевательная резинка' и *хавка* 'еда' (СА).

Примерами внутриязыковых корреляций могут служить:

базл – 'разговор, беседа, спор'. Сокращение с имитацией английского от базланить, *диал.* базлатъ 'шумно кричать, орать' (СА).

хова – 1) 'женский половой орган', 2) 'карман'. От украинского *ховаты* 'прятать' и при влиянии 'хава' 'рот, ноздри, женские половые органы' (УМК).

Теперь рассмотрим коррелятивные дериваты:

факуша – 'женщина', влияние английского *fuck* и южнорусского *клуша* или московского *груша* (значение то же, что и *клуша*) (УМК) (СА).

оприкеть – 'обнаглеть'. Налицо влияние английского *prick* и русского *оху...* (СА).

гейгерл – 'лесбиянка', от заимствований *гей* и *герл* (СА), и т. п.

Обращает на себя внимание следующая черта – большинство проанализированных в русском языке корреляций трехмерны, т. е. соответствуют первому графику. Для большей наглядности на рисунке 3 предлагается графическое отображение способа образования лексемы *гамка*:

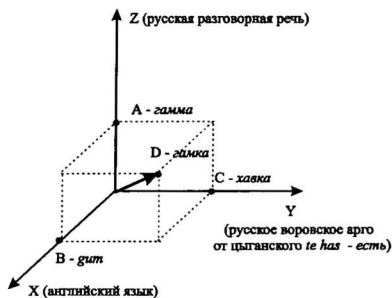


Рис. 3. Графическое отображение корреляции *гамка*.

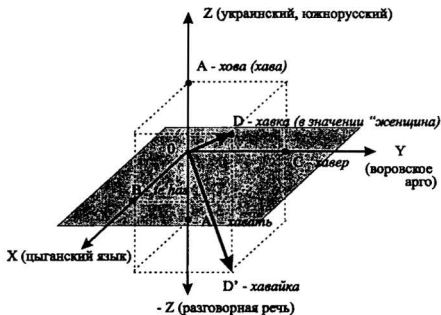


Рис. 4. Графическое отображение корреляции *хавайка*.

Второму графику, т. е. трехмерному отображению корреляционного деривата *schock* 'выдающийся', соответствуют такие лексические единицы, как, например, *шалава*, *обуреть*, *чаморочный*, *додик*, *хавайка*, *халящик*, *мудозвон*, *дрючить (дрюкать)*, *перекоцать*, *макил*, *цинковать*, *халья* и др., т. е. заимствования из тюркских языков, цыганского, идиш или непосредственно из немецкого. Представим, для примера, графическое изображение корреляции *хавайка* (см. рис. 4). Эта лексема со значением 'женщина, находящаяся на иждивении мужа, сожителя' (УМК), является корреляцией заимствования из идиш *хавер* 'мужчина, любовник' (УМК) (СА) и глагола *хава* (СА), т. е. дословно 'хавающая за счет хавера'. Нельзя также полностью отрицать влияния лексемы *хавка*, имеющей негативную окраску (УМК), которая, в свою очередь, является корреляцией лексем *хова (хава)* и *хавер*.

Подобная трехмерность коррелятивов и коррелятивных дериватов в русском языке, при образовании которых имело место влияние английских лексем или заимствований из английского, позволяет нам высказать предположение, что ряд заимствований из английского, о которых на основании их словообразовательной активности можно

говорить как о полностью ассимилированных, еще не вполне вошли в систему русского языка, в отличие от немецкого. Как нам кажется, объясняется это тем, что богатая устная традиция русского языка была отчасти утрачена при унификации языка во времена Советского Союза, а после его распада многие слова, изгонявшиеся из употребления в силу языкового пуризма, стали казаться и кажутся носителям языка чем-то новым и необычным и вполне подходят в качестве экспрессивных средств выражения. В немецком же языке говорящего не всегда удовлетворяет набор существующих в языке лексем для реализации экспрессивной функции, поэтому лексемы часто «смешиваются» ("blending") с английскими. В русском языке говорящий часто довольствуется выбором уже существующих старых заимствований из вышеупомянутых языков или из диалектов русского, которые сохранили свою самобытность из-за растянутости языкового пространства, «смешивает» их и удовлетворяет свои эмоционально-речевые потребности. Заимствования же из английского языка не потеряли окончательно ту экспрессивную новизну, которая явилась причиной их заимствования, поэтому для них и не удастся построить трехмерный график (см. рис. 2 и 4).

Большое число английских заимствований в русской разговорной речи, появившихся в последнее двадцатилетие, отмечается, по нашим наблюдениям, прежде всего в речи жителей крупных городов (с населением свыше одного миллиона человек), в которых влияние диалектов практически сведено к минимуму. Этим заимствованиям, несмотря на такой признак ассимиляции, как наличие словообразовательных моделей, свойственна упомянутая выше трехмерность, т. е. в большинстве случаев отсутствие многоплоскостной корреляции с заимствованиями из других языков, что позволяет, на основе предложенной нами модели анализа, говорить о их неполной ассимиляции.

Kazimir Lucinski, Eugene Zubkov
Holly Cross Academy

NON-STANDARD ENGLISH BORROWINGS IN GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Summary

The aim of this work is to show a new method, which gives a possibility to analyze not only loan words but also the borrowing process itself, dependent on the internal system of a language. The subject of the analysis was English borrowings in modern German and Russian non-standard languages. Every non-standard language is an unstable short-term occurrence and depends on speaker's estimation of the words (here we investigated loan-words) he uses. The authors took this fact into consideration along with the changes in the meaning as a word appears on other stylistic levels.

KEY WORDS: loan-words, stylistic level, correlation.

Заклучение

Нами была предложена новая модель анализа заимствований из английского в немецком и русском разговорных языках, так как традиционный анализ, применяемый в языковом стандарте, не всегда функционально адекватен в применении к разговорной речи. Наша модель применяется для исследования лексемы в синхроническом аспекте, т. е. в момент высказывания, однако диахрония, как видно из моделей и примеров, тоже строго учитывается.

Данная работа была задумана как попытка создания универсального метода для анализа направленности внутренней системы языка. В дальнейших работах авторы попытаются развить эту идею.

Kazimir Lucinski, Eugene Zubkov
Šv. Kryžiaus akademija

NELITERATŪRINIAI ANGLŲ KALBOS SKOLINIAI VOKIEČIŲ IR RUSŲ KALBOSE

Santrauka

Šio darbo tikslas pristatyti naują metodą, kuris leidžia analizuoti ne tik skolinis, bet ir patį skolinimosi procesą, priklausantį nuo vidinės kalbos sistemos. Analizės objektas – anglų kalbos skoliniai šiuolaikinėse šnekamosiose vokiečių ir rusų kalbose. Kiekviena šnekamoji kalba yra nestabilus, trumpalaikis reiškinys, priklausantis nuo kalbančiųjų vartojamų žodžių vertinimo (šiąme darbe – skolinių). Autoriai atkreipia dėmesį į reikšmės pasikeitimą žodžiui pereinant į kitą stilistinį lygmenį.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: skoliniai, stilistinis lygmuo, koreliacija.

Gauta 2003 01 14
Spaudai įteikta 2003 04 02